

**Доклад Конституционного Суда Российской Федерации на
Международной конференции «Защита прав и конституционный
контроль»**

26 июня 2024 года, г. Санкт-Петербург

**«Конституционно-судебная защита прав в России:
основные свойства»**

*Валерий Дмитриевич ЗОРЬКИН, Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации*

1. Конституционно-правовая защита прав человека судами и эквивалентными органами в разных странах имеет свои особенности. Универсальных рецептов здесь нет. Институт конституционного контроля – это национальный правовой институт, который должен быть смоделирован так, чтобы наиболее эффективно решать задачи в политико-правовом пространстве конкретной страны. Это особенно важно в связи с тем, что именно в деятельности этого института получает свое юридическое выражение национальная конституционная идентичность.

Модель российского конституционного контроля в сфере защиты конституционных прав имеет свои отличительные свойства. Мы полагаем, что они придают ему оптимальный характер именно для нашей правовой системы.

2. **Объект конституционного контроля.** В отличие от целого ряда других стран Россия не пошла по пути включения в институты конституционного контроля так называемой полной жалобы. Непосредственно объектом конституционного контроля у нас является не само по себе конкретное судебное решение, а закон или иной нормативный акт, применением которого в конкретном судебном решении нарушены

конституционные права. И суть вывода, сделанного Конституционным Судом, всегда состоит в том, нарушает или нет эта норма Конституцию.

При этом норма проверяется не только по своему буквальному смыслу, но и по смыслу, приданному ей судебным толкованием в конкретном решении. И если такое толкование приводит к нарушению прав граждан, оно может быть исправлено «конституционным истолкованием» нормы, которое «перевешивает» обычное правоприменительное толкование. Либо Конституционный Суд может признать норму неконституционной в приданной ей судебной практикой смысле. Заявитель же получает право на пересмотр своего дела.

Проверяя конституционность закона и выявляя его смысл, приданный ему на практике, мы обращаемся также к тем актам меньшей юридической силы (например, тем же актам министерств и иных ведомств), которые развивают, конкретизируют, а иногда могут и исказить его содержание. Итоговое решение принимаем именно с учетом необходимости устранения таких искажений.

Такой подход позволяет четко разграничить функции Конституционного Суда и иных судов и избежать конфликта с ними. Он обеспечивает наибольший полезный эффект решения органов конституционного правосудия в силу того, что объектом этого вывода является именно норма, а не само судебное решение, в котором она применена.

3. Отсюда следует **нормативный эффект российского конституционного контроля**. Постановление о неконституционности и даже постановление и конституционном истолковании нормы меняет систему норм: либо исключает нормы из правовой системы, либо придает им новое содержание. И действует при этом непосредственно.

Также мы нередко прибегаем к установлению порядка применения норм до внесения необходимых изменений в проверенное нами регулирование. При этом Конституционный Суд стремится найти такую

конструкцию, которая будет близка к прописанной в признанной неконституционной норме, но при этом позволяет устранить нарушение прав.

Некоторые выражают недовольство самим фактом осуществления такого «временного регулирования». Как представляется, напрасно. Это ведь, наоборот, дает возможность не «устраивать гонку» с внесением изменений в регулирование, а принять взвешенное решение: ведь неконституционность уже устранена, а соответствующий правовой институт продолжает функционировать.

4. Субсидиарность российского конституционного контроля.

Конституция установила «разделение ролей» Конституционного Суда и системы судов, возглавляемой Верховным Судом. В 2020 году закреплено требование об исчерпании других внутригосударственных средств судебной защиты как условия подачи конституционной жалобы. При этом любой суд – от мирового судьи до Верховного Суда - на любой стадии судебного процесса может обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности нормы, подлежащей применению им в конкретном деле.

Субсидиарность конституционного контроля налагает на Конституционный Суд дополнительную ответственность: если заявитель исчерпали средства судебной защиты в обычной системе судов, а нарушение прав сохраняется, это создает существенные основания для проверки конституционности нормы по смыслу, который ей придан правоприменением. В результате — после введения требования об исчерпании — обращений меньше не становится, а постановлений стало даже больше.

5. Роль Конституционного Суда в замещении ЕСПЧ. После того, как Россия с 16 марта 2022 года перестала быть членом Совета Европы, юрисдикция ЕСПЧ на нее перестала распространяться. В этих условиях защита прав обеспечивается национальными средствами судебной защиты, а именно судами по рассмотрению конкретных дел и посредством

конституционной жалобы в Конституционный Суд с последующим пересмотром конкретного дела.

Еще в период распространения на Россию юрисдикции ЕСПЧ был выработан определенный механизм реагирования на решения межгосударственных органов, основанные на истолковании международных договоров, противоречащем российской Конституции. Сейчас недопустимость исполнения таких решений прямо закреплена в статье 79 Конституции. Соответствующие инструменты, входящие в компетенцию Конституционного Суда, позволяют реализовывать **конституционно-судебный суверенитет России**. Причем являются максимально честным и открытым средством защиты от посягательства на национальную конституционную идентичность.

Необходимо отметить, что как-то обсуждать возможность исполнения решений наднациональных и зарубежных юрисдикций можно только в том случае, если их принятие имеет хоть какое-то правдоподобие правового основания. Поэтому, например, акты Международного уголовного суда (МУС) о выдаче ордеров на арест ряда российских должностных лиц, как явно не имеющие такого основания, являются скорее «информационным шумом» и в такой оценке не нуждаются.

6. Универсальность конституционно-судебной защиты прав проявляется в разных аспектах.

Прежде всего, под защитой Конституционного Суда находятся не только права граждан, непосредственно закрепленные в Конституции, и производные от них (развивающие и конкретизирующие их содержание). Более того, даже **права**, традиционно **не относящиеся к конституционным**, могут быть защищены конституционным правосудием на основе принципов правового равенства, правовой определенности, поддержания доверия к закону и действиям публичной власти. Вообще, Конституция является логической и ценностной основой всей системы правового регулирования, а

потому наша компетенция – когда возникают сомнения в конституционности нормы – предметно не ограничена.

Универсальность объекта конституционного контроля порождает эффект **конституционализации отраслей права**. Так, основой для конституционализации частного права является прежде всего запрет осуществления прав с нарушением прав иных лиц (часть 3 статьи 17 Конституции). Он определяет содержание прежде всего отношений между равными субъектами, без участия органов публичной власти и их должностных лиц. Поэтому наша модель конституционного контроля исходит из всеобъемлющего воздействия конституционного права и на частноправовые отношения.

Универсальность объекта конституционного контроля создает предпосылки и для защиты прав в тех правоотношениях, которые проистекают с использованием **новых информационных, технологических и организационно-экономических инструментов**. В Конституции нет норм про эти инструменты, но есть общие принципы, носящие универсальный характер и относящиеся не только к тем явлениям, которые уже существуют, но и к тем, которым только предстоит возникнуть.

В этом контексте важно отметить **адаптивность конституционного контроля к современным вызовам общепланетарного и национального масштаба**. Показательный пример – это споры об ограничениях прав граждан в связи с пандемией COVID-19. В 2020 году на основе анализа соразмерности карантинных ограничений целям защиты жизни и здоровья Конституционный Суд признал их конституционными.

Потребовали конституционно-правового реагирования и экономические санкции, принимаемые в отношении Российской Федерации недружественными странами.

Правовые позиции Конституционного Суда по ряду дел выступают сегодня полноценным элементом механизма защиты прав граждан и предпринимателей от противоправного санкционного давления.

Говоря об экономических санкциях, нельзя не остановиться на более широкой проблеме **противодействия тем угрозам обществу и государству, которые исходят от целенаправленной враждебной деятельности.** Недопустимо отказывать государству в возможности принимать меры, направленные на защиту от таких угроз в условиях ведущейся против него «прокси-войны», в которой противник стремится расшатать социально-политическую обстановку в стране неправомерными методами, – такими, например, как распространение определенного контента, направленного на разрушение конституционно ориентированного правосознания граждан. Такие действия нередко являются неявными, скрытыми, замаскированными. Поэтому естественно, что государство не ждет развития негативного сценария, чтобы начать бороться с ними.

Речь не идет о том, чтобы Конституционный Суд избегал конституционной оценки норм, которые законодатель вынужден принимать в таких условиях, просто политически с ними соглашаясь. Ведь сама Конституция допускает возможность ограничения прав, определяя при этом цели, критерии и меру таких ограничений. Однако конкретные ограничения исторически изменчивы и обусловлены характером и степенью угроз тем конституционно защищаемым ценностям, ради которых они вводятся. Мера ограничения прав не является постоянной величиной. Насколько «подвижны» угрозы, настолько же «подвижны» и направленные на противодействие им соответствующие меры, а как следствие — и их конституционная оценка. Это неотъемлемая часть методологии полноценного конституционного контроля. Но есть и пределы такой «подвижности». Для Конституционного Суда одним из таковых была и остается уверенность в недопустимости возобновления назначения и применения смертной казни в рамках действующей Конституции.

7. Системный подход к оценке нарушения прав. Предметом первичного внимания всегда является то, не нарушены ли права непосредственно заявителя. Но для принятия окончательного решения

необходим многоаспектный и целостный взгляд на систему прав и обязанностей, затрагиваемых в данных правоотношениях, причем не обязательно только тех лиц, которые непосредственно в них участвуют. А это предполагает необходимость задействия принципов соразмерности и поиска баланса конкурирующих ценностей.

Системный подход к оценке нарушения прав основан на принципах правового равенства и социальной солидарности (ч. 3 ст. 17, ст. 19 и ст. 75.1). Статьей 75.1 предусмотрено, в частности, что в Российской Федерации обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Тем самым принципы солидарности закрепляются и в качестве императива деятельности органов публичной власти всех уровней, и в качестве ориентира для повседневного поведения всех участников общественных отношений. Эффективный, сбалансированный синтез индивидуальной свободы, частного интереса, с одной стороны, и социальной солидарности, с другой – важнейшая составляющая российской конституционно-правовой доктрины и практики. И, кстати, именно этот подход, имеющий в том числе фундаментальное мировоззренческое значение, явился причиной расхождения с подходом ЕСПЧ в ряде его решений, принятых против России.

В качестве сфокусированного обобщения ряда дел этого года, где заявителем выступал субъект экономической деятельности с притязаниями на защиту своих интересов, Конституционный Суд основывал свою позицию на том, что таковой должен принять и признать необходимость достижения компромисса в удовлетворении своих притязаний. Но и государство в этих отношениях не должно быть бескомпромиссным настолько, что такой экономический актор, будучи добросовестным, лишится всего. По существу, речь идет о необходимости выстраивания конституционно-правовыми средствами не просто баланса, а «баланса компромиссов». В этом проявляется не отрицающая частный интерес солидарность.

8. В завершение подчеркну **доступность** российского конституционного контроля, обеспечиваемую многообразными способами подачи жалобы, возможностью защиты прав граждан специальными органами, чрезвычайно низкой государственной пошлиной и общедоступными вспомогательными средствами, разработанными самим Конституционным Судом.

Есть возможность подать жалобу в электронном виде. На сайте Конституционного Суда мы также предусмотрели ряд инструментов в помощь заявителю. Например, «Алгоритм самопроверки заявителя», сделанный как своеобразный тест, дает возможность оценки самим заявителем перспективности обращения в Конституционный Суд.

В нашей работе задействованы цифровые технологии. Например, вместо бумажного вида прохождения жалоб и подготовленных по ним материалов у нас уже несколько лет практикуется система электронного судопроизводства – от поступления жалобы в профильное подразделения аппарата до выхода принятого Судом постановления. Хотя подписи на актах Суда «ставим по старинке» – как знак принятия судьей на себя ответственности все-таки должна быть в этих документах некая сакральность.